

«А на земле останется за мною

Лишь слабый свет моих немногих слов...»

Владимир Диксон

*Я - дерево, стоящее у края,
Где времени скудеет полоса.
Стою на грани, жизнь благословляя,
И многих птиц я знаю голоса...*

На сей земле, от века и до века,
Во всех от Бога данных временах
Одна бывает мать у человека,
Одно бывает солнце в небесах.
И сердце верное не может измениться,
И сердце верное не может изменять:
Пускай раба не милует царица,
Пускай о сыне не горюет мать,
Пускай меня Россия позабудет
Россия – родина, Россия – мать моя:
Нет у меня, и никогда не будет
Иной любви, иного бытия.

1926 г., Орлеан

Это вечное слово - Россия -
Словно ангельский свет для меня,
Словно совести зовы простые,
Словно вихри снегов и огня.
Не напрасен мой путь, не случаен;
Там - Россия, там пламя и лед;
Но до мудрых, безумных окраин
Серединная жизнь не дойдет.
Надо сердце иметь не такое,
Надо душу иную иметь,
Надо жить неземною тоскою,
Надо песни нездешние петь.
Глаз не видит и уши не слышат,
Запечатаны болью уста;
Там - Россия страдает и ищет,
Ищет Божьего Сына - Христа.

1928 г., Орлеан

Я помню звёзд бесчисленные свечи,
Как угольки в мерцающей золе.
Мне кажется, я не на этой встречной,
Любимой больно, родился земле.

Я только гость, оставшийся случайно
На перепутьи переночевать,
И лишь заря займётся на окраине,
Оставлю я случайную кровать.

И снова в путь — искать родное поле,
Где много звёзд и много васильков,
Где жизнь без лжи, без горя и без боли
Течёт ручьём у тихих берегов.

А на земле останется за мною
Лишь слабый свет моих немногих слов,
Как снег, упавших тонкой пеленою
В прозрачной дали долгих вечеров.

1929 г., Кёльн

Так было в сказочной России:
 Пушистый снег, холодный час,
 О вечера мои родные,
 Сегодня вспоминаю вас.
 Несутся маленькие санки,
 Березы белые бегут...
 На молчаливом полустанке
 Ищу от сумрака приют.
 Под песню тонкую печурки
 Для чая греется вода.
 Я с памятью играю в жмурки:
 Ловлю минувшие года.
 Но на чужом, на незнакомом,
 На непонятном языке
 Поет о чем-то перед домом
 Ребенок с куклою в руке: -
 И сразу боль в душе проснулась,
 Погас опять мгновенный свет:
 Глаза и сердце обманулись -
 России нет, России нет.

1926 г.

Все похожи земные повести,
 Пошлость в мире для всех одна, -
 У кого на душе, на совести
 Ни единого нет пятна?
 Не последний я и не первый,
 Чья душа в печали дрожит: -
 Я не знаю, как можно без веры
 Даже день, даже час прожить.
 Ибо ведает сердце болящее,
 Спотыкающееся во мгле:
 Есть великое и настоящее
 И на нашей бедной земле.

Есть неложное и неподдельное –
 Жертва чистая, жар души –
 Неподкупное, нераздельное
 В нашей глине, в нашей глуши.
 И пускай болеет изменами
 Наш лукавый и низкий род –
 Сердце чаяньми нетленными
 Будет жить и сейчас живет.
 И пускай на душе, на совести
 Больше черных, чем светлых, мест,
 Есть и в нашей дурманной повести
 Искупляющий душу крест.

1928 г.

Нам, родившимся в грозное время,
 Надо древнюю веру хранить,
 И нести вековечное бремя
 На тяжёлом, опальном пути.
 Много званых, но избранных мало: –
 В жизни будущей меры не те.
 Как бы низко ты, сердце, ни пало,
 Есть надежда тебе во Христе.
 В каждой жизни над мелочью серою
 Есть и будут святые места.
 Во Единую Троицу верую,
 Исповедую сердцем Христа.
 По плодам узнаются деревья,
 По делам узнаются сердца.
 В эти тяжкие годы кочевья
 Будем чисты во имя Отца.

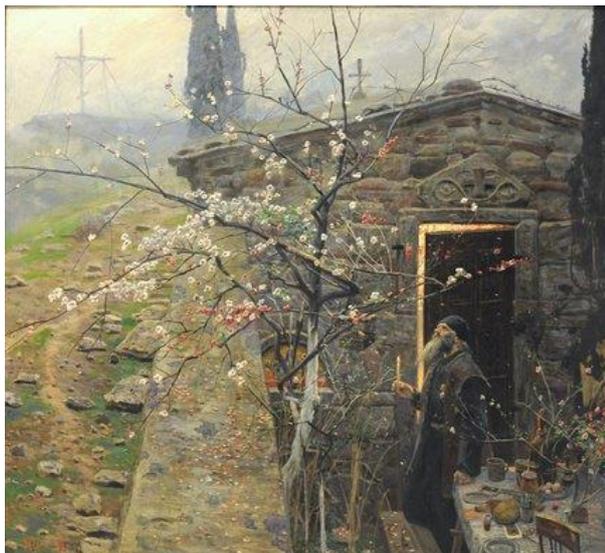
1928 г.

Молись, не смущайся, не бойся,
Туманов и гроз не страшись;
От мыслей бесчинных укройся,
Не бойся: – люби и молись.

В грехе, где так больно и низко
Раскинулись дни пустоты –
С тобою я вечно и близко,
Я ближе, чем думаешь ты.

Я вижу тоску и страданье
В твоих беспокойных глазах –
Твое устремленье, исканье,
Твой ужас, твой сумрак, твой страх.

В равнине, в пустыне безмерной,
Где свет мимолетный потух –
Я здесь – твой хранитель, твой верный,
Твой добрый, твой радостный дух.
1926г., Копенгаген

Я живу в суматохе греховной,
Словно в черную землю зарыт: –
Надо мною глухой и неровный
Слышен ропот колес и копыт.

Зацвети, моя яблоня белая,
На мгновенье меня озари,
Чтоб забыл окаянное тело я –
Прелый дух человеческой норы.

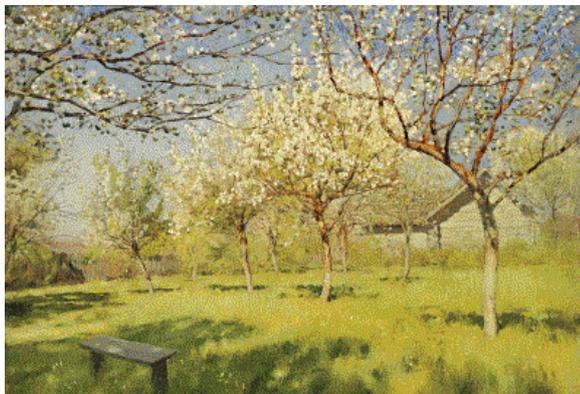
Зацвети, первоцветная вишня,
В тихом ветре весной задрожь,
Чтоб глухому был явственно слышен
Легкий голос далекой души.

Посмотри мне в глаза, как бывало,
Полновластная в небе луна,
Чтоб забыл я пустое зеркало
Беспокойного, грубого сна.

Легкокрылый мой ангел-хранитель,
Наклонись, наклонись надо мной,
Чтоб распутались многие нити
Заплетенной тревоги земной.

В этой вечной неволе я верю: –
Из далеких неведомых мест
Белый ангел вернет мне потерю
И в могилу положенный крест.

1926г.

<...>

Я видел мир, во всех скитался странах,
Я говорил на многих языках.
Я был один, как трезвый в своре пьяных,
Душевной гибели я видел долгий страх.

Родная, нежная моя,
Сестра души моей безумной,
Когда ж в родимые края
Вернёмся мы толпою шумной?

Когда благословенный час –
Мечта сестры, желанье брата –
В чужой стране придёт для нас
Пора желанного возврата?

Давно без родины живём,
Забыты там, и здесь – чужие,
Горим невидимым огнём,
Не мёртвые и не живые.

Родная, нежная сестра,
В закатный час, предзорьем синим
Придёт ли дивная пора
Иль горестно в пустыне сгинем?

Нам не открыты времена,
Мы только ждать и верить можем,
Что за грозою тишина
Придёт в благословеньи Божьем.

1928 г.

Здесь намечено и размерено,
Всё по правилу, по струне.
Только сердце мое потеряно
В этой вылощенной стране.

У нас не такие сажени,
Совсем другая верста;
Наши лошади не запряжены,
И конюшня давно пуста.

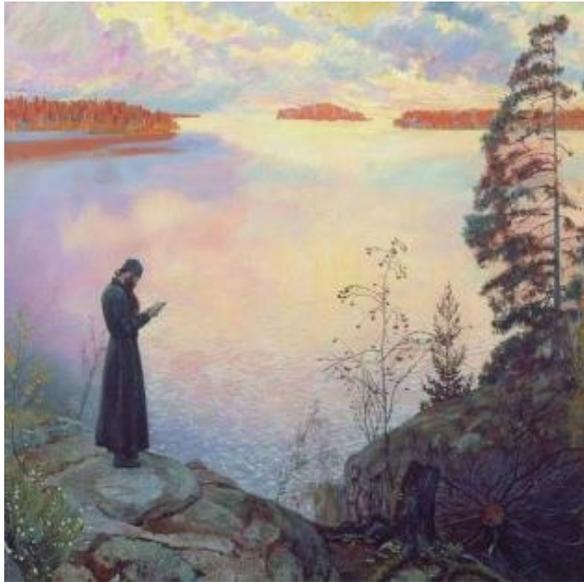
У нас колеи глубокие,
Тяжело бежать колесу.

Васильки голубокие
Пьют холодную росу.

У нас дорога проселочная
И таинственна и длинна;
Хорошо вспоминать про солнечные,
Про веселые времена.

У нас не такие дороги,
Совсем иные пути:
Вся надежда наша в Боге,
Больше некуда нам идти.

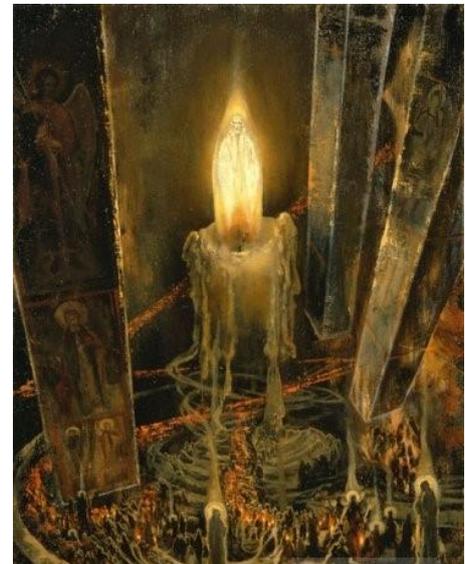

Теперь дорогой невозвратной
Прошел я много трудных дней,
И слезы стали мне понятней,
И горе скрытое видней.
Теперь по голосу, по глазу,
По тихому движенью рук
Я узнаю заботы язву,
Глухой огонь душевных мук.
Теперь я ведаю, как точит
Неправда – мысли, ложь – сердца,
Как незаметно метят ночи
Тревогой тишину лица.
Теперь, когда я в мире ниже,
Под гнетом неизменных дней,
Ко всем страдающим я ближе,
Ко всем рыдающим нежней.

1929, Кёльн

За всех людей мое моление,
За всех зверей моя мольба,
И за цветы, и за каменья,
И за плоды, и за хлеба.
За все что в дольний мир родиться,
За все что на земле живет,
За рыбу - в море, в небе птицу,
За дым долин, за снег высот.
За братьев близких и любимых,
За недругов и за врагов,
За тишину полей родимых,
За ласку глаз и ласку слов.
За мыслей искупленных благодать,
За утреннюю благодать,
За жизнь - кормилицу и радость,
За смерть - утешницу и мать.

1926 г.

Я — дерево. Земля меня питает,
Земными соками таинственно живу.
Холодный дождь листы мои ласкает,
И тень моя ложится на траву.

В земную грудь мои проникли корни,
Мне слышны плач и жалобы глубин.
А у земли страдать учусь, покорный,
Землей питаемый, родимой почвы сын.

Я — дерево, стоящее у входа
В иную жизнь, обещанную нам, —
Куда нейдут разгул и непогода,
Откуда свет приходит к вещим снам.

Я — дерево, стоящее у края,
Где времени скудеет полоса.
Стою на грани, жизнь благословляя, —
И многих птиц я знаю голоса.

1928 г., Уеркской

Рисунки: Владимиров И., Левитан И., Прянишников И., Рыженко П.,
Сатаров М., Семёнов А., Шишкин И., Юшманова Т.

Отдел обслуживания
художественной литературой
УНИЦ КНИТУ, Б-224